

«Правовой диалог Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации»

Актуальность избранной темы

На сегодняшний день сложилась такая обстановка в мире, что представить взаимодействие основных развитых стран без защиты прав и свобод человека невозможно. Таким образом, признание многими государствами обязательной юрисдикции Европейского Суда по правам человека оказало существенное влияние на развитие взаимодействия международного права с внутренним законодательством стран. Актуальность избранной темы состоит в том, что юрисдикция Страсбургского суда в отношении Российской Федерации и характер принимаемых им решений опосредованы как нормами Европейской Конвенции, которую в свое время ратифицировала Российская Федерация, так и требованиями Конституции РФ. Тем самым наша страна возложила на себя конвенционные обязательства, в том числе и по исполнению решений Европейского суда. В данной статье анализируется и соотносится практика Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека, подходы органов правосудия к толкованию Европейской конвенции и положений Основного Закона Российской Федерации. Анализ европейской и национальной доктрины приводит авторов данной статьи к выводу об отсутствии в настоящее время четкого и фундаментального механизма, обеспечивающего соблюдения баланса интересов между нормами международного и национального права. В работе представлены предложения в регулировании данного вопроса, а также представлены варианты достижения компромисса между Европейским судом и Конституционным судом нашей страны в части конституционно-правовых коллизий в области толкования норм Европейской конвенции и положений Конституции, составляющих основу конституционного строя.

Как известно, в феврале 1996 года Российская Федерация вступила в Совет Европы и 30 марта 1998 года Президент нашей страны подписал Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней»¹. Тем самым Россия признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека и обязалась исполнять решения последнего, как следствие, приняла на себя конвенционные обязательства. Статья

---

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 30 марта 1995 № 54-ФЗ (действующая редакция, 2016) «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ, 06.04.98, №14.

46 данной Конвенции содержит положение, согласно которому «государства-участники обязаны исполнять постановления Европейского суда по любому делу, в котором они являются сторонами»². Следствием этого явилось внесение данных положений в ряд законодательных актов и, в свою очередь, постановления Европейского суда явились основанием для пересмотра ранее вынесенных решений по различным категориям дел. Более того, Конституция Российской Федерации в части 4 статьи 15 устанавливает приоритет норм международного права, в случае коллизии между национальным законодательством и нормами международного права, которые были ратифицированы нашей страной³. Соответственно, Европейская Конвенция по правам человека представляет собой международный договор Российской Федерации и является составной частью российской правовой системы, а Постановления ЕСПЧ, которые вынесены на основании данной Конвенции, должны исполняться нашей страной, поскольку Российская Федерация признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию ЕСПЧ⁴. Данный юридический факт повлек за собой возникновение дилеммы, которой озабочена как доктрина, так и судебная практика. Между тем, принимая во внимание практическую деятельность, несмотря на позитивные изменения в российском законодательстве, вопрос исполнения постановлений Страсбургского суда обострился после принятия 14 июля 2015 года Конституционным Судом Российской Федерации Постановления № 21-П⁵, в котором была признана возможность неисполнения постановлений Европейского суда. Тем самым в нынешних реалиях назрела довольно серьезная проблема, имеющая место быть и по сей день и

---

² Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в Риме 04 ноября 1950 года. Ратифицирована Россией 30 марта 1998 года // СЗ РФ, 06.04.1998, № 14.

³ Конституция (Основной закон) Российской Федерации (принята общенародным голосованием в 12.12. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ, 03.03.2014, № 9.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 30 марта 1995 года № 54-ФЗ (действующая редакция, 2016) «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ, 06.04.98, №14.

⁵ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

связанная с несоответствием вынесенных Европейским судом по правам человека постановлений положениям Конституции Российской Федерации. Неоднократно Конституционный Суд РФ в своих постановлениях особо акцентировал свое внимание на обеспечении верховенства Конституции Российской Федерации. В связи с этим, обратимся к судебной практике и более подробно изучим насущную проблему. Заявители довольно часто обращаются в Европейский суд по правам человека как в «четвертую инстанцию», в надежде на отмену решений российских судов. Исследовательский дискурс получил практическое воплощение в 2009-2013 годах в рамках нашумевшего дела Константина Маркина, где положения Европейской Конвенции были противопоставлены предписаниям Основного закона Российской Федерации в их истолковании Европейским и Конституционным судами. Другое дело – Постановление ЕСПЧ по жалобе «Анчугов и Гладков против России» от 4 июля 2013 года, в котором ЕСПЧ признал нарушающим Европейскую конвенцию положением Конституции о лишении избирательных прав заключенных⁶. Приведенное дело можно соотнести с делом «Херст против Соединенного Королевства» от 6 октября 2005 года⁷. После вынесения постановления ЕСПЧ по данному делу стала очевидна коллизия между страсбургской и национальной российской системами защиты прав человека. Европейский суд согласился с доводами Херста о недопустимости автоматического лишения избирательных прав осужденных к лишению свободы⁸. Суд посчитал подобные правила внутреннего законодательства государства несовместимыми с положениями статьи 3 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года: «Приходится признать, что такое общее, автоматическое и недифференцированное ограничение права, провозглашенное Конвенцией и имеющего ключевое значение, превышает допустимые пределы оценки, какими бы широкими они не были, и является несовместимым со статьей 3 Протокола № 1»⁹. Разумеется, из вышеизложенного следует вывод, что данное Постановление Страсбургского суда обязательно лишь для

---

⁶ Конституция (Основной закон) Российской Федерации (принята общенародным голосованием в 12.12. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ, 03.03.2014, № 9.

⁷ Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

Великобритании, однако поскольку его нормы составляют прецедентное право ЕСПЧ, и теперь любое схожее дело будет разрешено Европейским судом аналогичным образом. Таким образом, резюмируя сказанное, можно прийти к выводу, если любой российский заключенный потребует признания недействительным ограничения его права избирать в Государственную Думу ФС РФ, то Страсбургский суд признает подобное требование справедливым, а сами ограничения – не соответствующими Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰. Это и отразилось впоследствии в деле «Анчугов и Гладков против России». Суть проблемы состоит в том, что положение части 3 статьи 32 Конституции РФ¹¹ содержится в той главе Основного закона РФ, которая не подлежит изменению. Соответственно, если Страсбургский суд выносит подобное постановление в отношении Российской Федерации, то, как следствие, между нормами международного права и национальным законодательством, а именно основополагающим нормативно-правовым актом, имеющим высшую юридическую силу на территории всей страны, возникает коллизия страсбургской и национальной правовых системами по защите прав и свобод человека. Как следствие, для устранения подобного рода дефекта и приведения российского законодательства в соответствие со стандартами Совета Европы в сфере прав человека необходимо принимать новую Конституцию России, что не представляется возможным и разумным. Более того, в условиях настоящего времени было озвучено предложение депутатом Государственной Думы, а именно Евгением Федоровым, и вовсе отменить «превосходство» международных норм права над национальным законодательством путем исключения из всех национальных актов формулировки «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права»¹².

Научное сообщество довольно серьезно озадачено проблемой соотношения российской правовой системы с уже сформировавшейся системой европейских стандартов. Одни предлагают пойти по пути решения данной проблемы «или-или»: или «примат»

---

¹⁰ Калининченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Конституция (Основной закон) Российской Федерации (принята общенародным голосованием в 12.12. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ, 03.03.2014, № 9.

¹² Ковлер А.И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – Обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. Выпуск 1. // СПС «КонсультантПлюс».

международного права, или «независимость» российской правовой системы от любых влияний извне¹³.

Представляется необходимым отметить опыт британских судов. Судебная практика британских судов весьма показательна в этой связи. Так, в решении от 16 октября 2013 года по делу McGeoch Верховный суд Британии обосновал отказ от формального исполнения решения по делу «Херст против Соединенного Королевства» тем, что правовые позиции Страсбургского суда, согласно акту о ратификации Европейской конвенции 1950 года, должны лишь «приниматься во внимание» британскими судами¹⁴. Следовательно, если позиция Европейского суда вступает в противоречие с положениями Конституций государств-участников, суды должны принять это к сведению и предпринять необходимые усилия для поддержания диалога. Помимо прочего, общеизвестно, что качество деятельности Страсбургского суда стало снижаться по причине увеличения потока жалоб. Наряду со сказанным не является научным открытием и тот факт, что в случае, если решение ЕСПЧ касается какой-либо частной проблемы применения национального законодательства государства, страсбургскому судье, не обладающему достаточными познаниями в отраслевом законодательстве Российской Федерации, будет весьма сложно дать четкую правовую оценку ситуации, т.е. соответствия или несоответствия российской системы европейским стандартам в каждом конкретном случае. Иными словами, решения, вынесенные Европейским судом по правам человека нельзя брать за основу в качестве истины в конечной инстанции.

Вместе с тем, одним из ярких примеров различия во мнении органов правосудия проявляется, в том числе и в Постановлении Европейского суда «Хорошенко против России»¹⁵. Так, Заявитель, отбывавший пожизненное наказание, пожаловался на условия строгого режима содержания под стражей в колонии особого режима, которые ограничивали его свидания с близкими. В течение года ему разрешали не более двух свиданий с родственниками длительностью не более четырех часов. Он мог общаться с близкими только

---

¹³ Ковлер А.И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – Обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. Выпуск 1. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ «Khoroshenko vs Russia» no. 41418/04, European Court of Human Rights 2015.

через стеклянную перегородку или металлическую решетку, без физического контакта, и все их разговоры прослушивались тюремным персоналом¹⁶.

Европейский Суд пояснил, что подобные длительные ограничения права заявителя на уважение его частной и семейной жизни не могут соответствовать целям, которые преследовали власти Российской Федерации. Более того, Европейский Суд выразил сомнения по поводу того, что обжалуемые ограничения права преследуют правомерную цель и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 6 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В статье 1 Уголовно–исполнительного кодекса РФ¹⁷, сказано, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Таким образом, чтобы осужденное к лишению свободы лицо имело возможность исправиться, а также, чтобы было возможно произвести в дальнейшем реинтеграцию в общество, к осужденным следует относиться с должным уважением к частной и семейной жизни, давая возможно проводить свидания с близкими людьми. Но при рассмотрении заявления Хорошенко, Власти Российской Федерации утверждали по настоящему делу, что не ожидалось достижения цели реинтеграции в общество в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, включая заявителя, и указывали на то, что изоляция лиц, подобных заявителю, была единственной целью соответствующих условий отбывания наказания¹⁸. Фактически, по мнению властей, цель пожизненного лишения свободы - это возмездие и пожизненное лишение преступника возможности совершать преступления.

Таким образом, исходя из прямого толкования статьи 1 Уголовно–исполнительного кодекса РФ, цель наказания - это исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Но в действительности, решения Властей Российской Федерации направлены больше на карательные меры и изоляцию осужденного лица, которое, в указанном случае, проявляется в неуважении личной и семейной жизни, что противоречит статье 8 Конвенции.

Вместе с тем, еще одно уязвимое место, обуславливающее препятствие для прямого действия решений Европейского суда, является отсутствие у отечественных

---

¹⁶ «Khoroshenko vs Russia» no. 41418/04, European Court of Human Rights 2015.

¹⁷ Уголовно-исполнительный Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ «Khoroshenko vs Russia» (just satisfaction) no. 41418/04, §§ 99, 144, European Court of Human Rights 2015.

правоприменителей осознания необходимости применения норм Конвенции и правовых позиций Европейского суда по правам человека при разрешении различных категорий дел¹⁹. Так, А.Л. Бурков проинтервьюировал внушительное количество правоприменителей города Екатеринбурга и Свердловской области с целью выяснить их отношение к европейскому праву и его применению в рамках российской правовой системы²⁰. Результаты были следующими: по словам А.Л. Буркова, адвокаты и судьи утверждали, что российское законодательство самодостаточно, содержит все необходимые и основополагающие нормы права для регулирования различных общественных отношений, в связи с этим отсутствует необходимость обращения к нормам международного права, в частности к нормам Конвенции и позициям Страсбургского суда²¹. Совокупность полученного материала приводит автора к выводу об отсутствии знания Конвенции и практики ЕСПЧ, помимо прочего, отказ некоторых судей признать важность гарантий Конвенции для применения к существующим на сегодняшний день в нашей стране проблемам.

Проанализировав судебную практику российской правовой системы можно прийти к выводу, что Конституционный суд РФ стоит как бы на страже интересов законодательства Российской Федерации в особенности Основного закона страны. Конституционный суд России особо указывает на роль государственного суверенитета страны и отдает приоритет Конституции Российской Федерации перед всеми актами как внутригосударственными, так и международно-правовыми. Данное суждение подтверждается громким постановлением Конституционного суда РФ 2015 года²², где содержится указание на возможность

---

¹⁹ Аверьянов К.Ю. [Электронный ресурс] Решения Европейского суда по правам человека в системе источников (форм) права России: диссер...канд. юр. наук: 12.00.01. Москва // URL: <http://dlib.rsl.ru/01006709879> (дата обращения: 29.09.2016).

²⁰ Аверьянов К.Ю. [Электронный ресурс] Решения Европейского суда по правам человека в системе источников (форм) права России: диссер...канд. юр. наук: 12.00.01. Москва // URL: <http://dlib.rsl.ru/01006709879> (дата обращения: 29.09.2016).

²¹ Аверьянов К.Ю. [Электронный ресурс] Решения Европейского суда по правам человека в системе источников (форм) права России: диссер...канд. юр. наук: 12.00.01. Москва // URL: <http://dlib.rsl.ru/01006709879> (дата обращения: 29.09.2016).

²² Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

отступления от международно-правовых обязательств в экстраординарных случаях, дабы избежать нарушения основополагающих принципов и норм российской Конституции. Таким образом, Конституционный суд России выразил допустимость отказа от исполнения неправомερных с конституционно-правовой точки зрения постановлений Европейского суда.

Между тем, следует также иметь в виду, что Основной закон нашей страны и Европейская конвенция основываются на одних и тех же ценностях. Роль Страсбургского суда состоит в восполнении пробелов национального механизма, корректировке недочетов во внутригосударственном правоприменении. Как справедливо указывает Н.В. Витрук, конвенционально-правовые позиции Европейского суда ускоряют самостоятельные действия всех государств-участников Конвенции, по совершенствованию законодательства, судебной или иной правоприменительной практики, которые соответствуют Конвенции и Протоколам к ней в интерпретации Страсбургского суда²³. Наряду с изложенным, нельзя не затронуть и тот аспект, что Европейский суд, прежде всего, осуществляет деятельность, которая носит оценочный характер по отношению к функционированию национальных правоприменительных органов. Ссылаясь на принцип subsidiarity, который в свое время стал лейтмотивом Постановления КС РФ²⁴, Европейский суд по правам человека призван осуществлять наблюдение за тем, как государство использует предоставленный ему простор усмотрения при определении необходимости в ограничении прав и свобод граждан²⁵.

Таким образом, при выявлении расхождений между решениями органа европейского правосудия с положениями отечественных конституционных предписаний мы вынуждены сталкиваться с так называемыми конституционно-конвенционными коллизиями, о которых Конституционный суд в своем Постановлении высказался, что в данном случае из практики зарубежных судов речь идет не о противоречии между Конвенцией и национальными конституциями, а о коллизии толкования конвенционного положения, данного Европейским

---

²³ Н.В.Витрук. Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. № 11. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Киселев А. КС и ЕСПЧ // ЭЖ-Юрист. 2015. № 50. // СПС «КонсультантПлюс».

судом в своих постановлениях по конкретным делам, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании Конституционным судом РФ²⁶. Резюмируя изложенное, коллизионную пару составляют положения Европейской конвенции, истолкованные Страсбургским судом с одной стороны, и положения Основного закона страны, истолкованные Конституционным судом России в его постановлениях. Несмотря на то, что глава 14 ФКЗ «О Конституционном суде РФ»²⁷ была дополнена положением, которое регулирует компетенцию Суда по вопросам толкования Конституции РФ, а также вопреки нововведению в виде института «право на возражение», тем не менее, представляется необходимым усовершенствовать механизм так называемого сопряжения международно-правового и внутригосударственного регулирования в целях обеспечения взаимодействия между нормами национального и международного права. На сегодняшний день еще достаточно сложно говорить, как принятие новых положений повлияло на существующую практику исполнения постановлений ЕСПЧ, однако сама суть контроля за действиями государства никак не изменилась. Видится целесообразным особо обратить свое внимание на общеизвестный принцип статутного толкования, заключающийся в обеспечении совместимости, согласованности норм международного и национального права в случае их противоречия. Ссылаясь на авторитетное мнение В.Д. Зорькина, стоит припомнить, что для Конституционного суда РФ является обычной практикой привлечение в качестве доводов обоснование своих правовых позиций положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда²⁸. «Привлекая в качестве доводов правовую позицию Европейского суда, - пишет В.Д. Зорькин, - Конституционный суд Российской Федерации проявляет стремление тесно увязать свою позицию с позицией

---

²⁶ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Федеральный Конституционный Закон Российской Федерации от 21 июля 1994 года №1-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ, 25.07.1994, № 13.

²⁸ Аверьянов К.Ю. Действие решений Европейского суда по правам человека в рамках российской правовой системы // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 5. // СПС «КонсультантПлюс».

ЕСПЧ, принимая решения, которые не просто соответствуют, но и опираются на практику ЕСПЧ»²⁹. Вместе с тем, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации отмечает, что нередко в научной литературе встречается формулировка, толкующая, что Конвенция рассматривается в качестве конституционного акта, «второй Конституции» или «конституционно признаваемого на национальном уровне инструмента европейского правопорядка»³⁰.

С учетом овладения нами превалирующих точек зрения ведущих специалистов, профессиональных юристов и ученых в области конституционного и международного права, мы приходим к выводу о соответствии норм Конвенции в толковании ЕСПЧ и норм внутреннего законодательства Конституции РФ, но при этом ЕСПЧ, толкуя конвенционную норму, обозначил правовую позицию, предусматривающую более высокий уровень гарантий тех или иных прав по сравнению с действующим национальным законодательством. Следовательно, при осуществлении Европейским судом оценочной деятельности в отношении национального законодательства и выявляя изъяны во внутреннем законодательстве нашей страны, данные пороки должны устраняться не Конституционным судом путем использования института возражения, а путем мониторинга правовых норм и правильного толкования с целью достижения согласованности между двумя незыблемыми органами судебного правосудия. Действительно, Европейский суд по правам человека руководствуется различными положениями, которые приняты европейским сообществом, однако каждая страна развивалась самостоятельно и не стоит отрицать национальные особенности правовой системы. В этом и состоит одна из проблем исполнений решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации. Тем самым государству следует истолковать норму внутригосударственного права таким образом, дабы исключить и не допустить противоречия с нормами международного права. Верно и то, что из Основного закона нашего государства не следует надконституционности общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, а в части 4 статьи 15 Конституции РФ, в соответствии с официальным комментарием Конституционного суда РФ, «речь идет о принципиальном согласии Российского государства со сложившимися международными

---

²⁹ Зорькин В.Д. Конституционный суд Российской Федерации в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

стандартами и о конституционном восприятии их в качестве масштабов правотворчества и правоприменения»³¹.

Подводя итоги, мы отметим, что ЕСПЧ ни в коем случае не заменяет суды, действующие на территории Российской Федерации, на которые Конституцией возложена обязанность охранять, защищать права и законные интересы человека. Юрисдикция Страсбургского суда состоит не в том, чтобы являться своеобразной «четвертой инстанцией», в которую обращаются граждане за защитой своего права, надеясь таким образом отменить решение российского суда, а в том, чтобы служить инструментом наблюдения за действиями, которые осуществляет государство в отношении прав и свобод человека.

Деятельность Страсбургского суда невольно ведет к взаимодействию между странами, приводя к тому, что по прошествии некоторого периода времени образовывается единая система европейских, да и в целом мировых, конвенционных стандартов в сфере защиты прав и свобод. Подобное взаимодействие между странами естественно влияет и на внутреннюю, национальную правовую систему, что приводит к ее реформированию и заимствованию международных стандартов. Р. Саква, в свою очередь, также указывает, что право, образованное органом европейского правосудия, позволяет приспособиться к меняющейся социально-политической действительности и отвечать на все новые возникающие вопросы, поскольку суд непрерывно адаптирует правовые гарантии, содержащиеся в Конвенции, к постоянно развивающимся социальным отношениям, рассматривая Конвенцию как «живой инструмент», обладающий достаточной гибкостью для эффективной реализации незыблемых ценностей в условиях постоянных политических, социальных и идеологических изменений в государствах-членах Совета Европы³². И, наконец, значение Страсбургского суда состоит именно в принятии участия в развитии как самой европейской системы защиты прав человека, так и в том, что, толкуя те или иные положения, данные предписания становятся более четкими, соблюдаются особенности развития социума и правовой системы государства³³.

---

³¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Конституционный Суд РФ / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2013. // СПС «КонсультантПлюс».

³² Саква Р. Совет Европы и Россия: конститутивный подход // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. Сборник докладов. – М.: Институт права и публичной политики, 2001. – С. 19.

³³ Грачева (Перчаткина) С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского суда по правам человека: Научно-практическое пособие. – 2012. // СПС «КонсультантПлюс».

Все изложенное нами сводится к необходимости дать баланс интересов национального и международного права в законоположениях. Равным образом необходимо развивать диалог между органом европейского правосудия и Конституционным судом РФ с целью поиска компромисса, ставя во главу угла интересы частных лиц, императивы международного права и незыблемость нормативного и правоприменительного симбиоза Европейской конвенции.

Список использованных источников литературы:

1. Аверьянов К.Ю. М: Актуальные проблемы российского права: Действие решений Европейского суда по правам человека в рамках российской правовой. М., 2013, № 5. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Аверьянов К.Ю. [Электронный ресурс] Решения Европейского суда по правам человека в системе источников (форм) права России: диссер... канд. юр. наук: 12.00.01. Москва // URL: <http://dlib.rsl.ru/01006709879> (дата обращения: 29.09.2016).
3. Витрук Н.В. М: Российское правосудие: Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод. М., 2011, № 11. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Грачева (Перчаткина) С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского суда по правам человека: Научно-практическое пособие. – М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ., 2012. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Зорькин В.Д. М: Журнал российского права: Конституционный суд Российской Федерации в европейском правовом поле. М., 2005, № 3. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Зорькин В.Д. М: Журнал российского права: Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы. М., 2006, №12. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Калиниченко П.А. М: Актуальные проблемы российского права: К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного суда РФ. М., 2016, № 2. // СПС «КонсультантПлюс».
8. Киселев А. М: ЭЖ-Юрист: КС и ЕСПЧ. М., 2015, № 50. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Ковлер А.И. М: Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека: Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – Обострение проблемы (причины и следствия). М., 2015, выпуск 1. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Конституционный Суд РФ / под ред. В.Д. Зорькина (3-е изд.). – М.: Норма., 2013. – 1040 с.
11. Саква Р. М: Совет Европы и Россия: конститутивный подход // Россия и Совет Европы перспективы взаимодействия. Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики. М., 2001.